

Алекс Фелин

Сказки Сентября

12+

Алекс Фелин
Сказки Сентября

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фелин А.

Сказки Сентября / А. Фелин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник из двенадцати рассказов на всякие разные темы. Демиург не может выбрать, какой мир создать, десятиклассница Маша хочет спасти Моцарта и отправляется в произведение Пушкина, Майлз ищет золотой ветер, а Джен из Лондона прошлого века каждую ночь во сне попадает в другой мир и отправляется на поезде на поиски новой жизни. Ещё есть храбрая амазонка, которая ищет мужа среди воинов чужого королевства, маленькая поэтесса Мина, молодой военный министр, привлекающий к работе "детей цветов", дракон и принцесса. И ещё одна принцесса, которая однажды заснула столетним сном по вине старшего брата. А пятнадцатилетняя Лис очень хочет выяснить, что же значит загадочное выражение "по колено в облаках"...

© Фелин А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Демиург

Писатель (или, как он гордо именовал себя, Демиург) второй час сидел перед печатной машинкой, касаясь клавиш кончиками пальцев, будто надеясь, что прячущиеся внутри хитроумного механизма идеи почувствуют эту связь и через пальцы, руки, плечи, хлынут напрямик в мозг и в сердце, стремительно стучавшее в предвкушении хорошей истории. Нужно ведь совсем немного – всего одно слово, одно маленькое словечко, и завертится колесо, родится новый человек, а может, и целый Мир.

Быть может, космос...

И перед ним раскинулась Вселенная, взирая на своего создателя тысячей сияющих в первозданной тьме глаз. Где-то далеко горели и переливались три разноцветных солнца – жёлтое, зелёное и голубое. Они разбрасывали искры и плавно помахивали протуберанцами, как древние круглые осьминоги. Где-то вспыхнуло и погасло нечто – родилась сверхновая, чёрные дыры втягивали в себя ленты млечных путей и выплёвывали где-то в другой галактике.

Здесь не было ничего, что можно было бы назвать живым, однако этот Мир жил – и он был прекрасен.

Стоя на одном из колец своей собственной планеты, Демиург покачал головой и повернулся к только что созданной Вселенной спиной – быть может, когда-нибудь потом, но не сегодня.

Он тоскливо посмотрел на запроваженный в машинку девственно-чистый лист, на котором за последнюю, кажется, бесконечность не появилось ничего.

Он вздохнул – не космос.

Что ж, быть может, фэнтези?..

И вокруг него зазеленел бесконечный лес, скрывающий в себе тайны и загадки и древний народ – сказочно прекрасный и дьявольски опасный. Мужчины этого народа сильные, как медведи, ловкие, как пантеры, быстрые, как колибри, и такие же лёгкие. В их сердцах нет места страху – лишь интерес, порой даже излишне прагматический.

Женщины этого народа прекрасны, как ангелы небесные, пускай и ходят по земле, как все смертные существа. В особо тёплые летние дни они приходят на берег реки, что течёт сквозь лес, служивший домом им и их предкам, и предкам их предков, пришедшим на эти земли задолго до людей. Они поют, и быстрые воды несут их песни на запад, и Солнце, клонясь к горизонту, становится ещё ярче, ещё прекрасней становится закатное небо. Ветер путается в их волосах, когда раз в год они выходят на пустоши, чтобы плясать всю ночь под песни своих музыкантов и прославить Жизнь и судьбу, подарившую им счастье просто быть и брать от жизни всё, что она может дать, и платить любовью к целому огромному Миру. Их Миру.

Демиург разворачивается, с трудом оторвав взгляд от взлетающих в небо искр эльфийских костров, и медленно идёт в темноту, пока не оказывается в своей комнате за печатной машинкой с запроваженным в неё листом бумаги, таким же чистым, как и несколько часов назад.

Он со вздохом снимает руку с клавиш, нагретых теплом его пальцев, но так и не послуживших орудием создания Вселенных.

Он ставит чайник и успеваешь выкурить сигарету, прежде чем раздаётся простенькая мелодия звонка, и сквозь запертую дверь к нему проникают гости.

Он сидит за столом и пьёт чай с принесёнными неожиданно-желанными гостями тортиком, слушает древние сказки, рассеянно пропускает сквозь пальцы лунно-серебряные пряди волос прекрасных дев. А за окном в первозданной тьме величественно колышут протуберанцами три разноцветных Солнца.

Секретное оружие

– Господа, – начал министр обороны, стремительно входя в зал заседаний, – я собрал вас всех здесь, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие.

Его коллеги переглянулись в недоумении – последний раз их коллега начал свою речь с этих слов лет десять назад, когда сменившийся в очередной раз президент устроил внезапные проверки всем и вся. Тогда фраза «к нам пришёл ревизор и требует финансовые отчёты за последние двадцать пять лет» стала причиной самой настоящей немой сцены, несмотря даже на то, что все документы у них были в порядке. Неужели, на этот раз всё повторится?

Но нет, «гонимец» внезапно всплеснул руками и тонким голосом объявил:

– Началась война.

И упал в кресло, закрыв лицо руками.

Как война? Почему война? С кем? – посыпались отовсюду вопросы.

– А кто у нас ближайшие соседи с запада? – обманчиво ласково поинтересовался у последнего спросившего министр, убрав ладони от лица.

– Так эти... – отозвался тот и внезапно побледнел, – неужели?..

– Вот именно. И в связи с этим нам нужно своё секретное оружие, которое деморализует противника, ошеломит и, желательно, обезоружит. Предложения есть?

В зале заседаний воцарилась тишина. Каждый обдумывал сложившуюся ситуацию.

– Получается, – задумчиво произнесла некоторое время спустя единственная женщина, – нам нужно что-то, вроде бочки с гвоздями?

На неё резко обернулись.

– Какой бочки? – осторожно спросил кто-то, смутно припоминая, что с недалёкими не спорят.

Ну как же, вы разве не знаете эту историю? Пока в НАСА пытались создать оружие, которое бы действовало в условиях космического вакуума, в России кто-то предложил взорвать там, в космосе, бочку с гвоздями. Гвозди разлетятся во все стороны, повинуясь импульсу, а поскольку воздуха в космосе нет, то и трения происходить не будет, и они просто будут лететь сквозь пространство, поражая всё на своём пути.

– Я, кажется, понял! – вскочил со своего места самый молодой из присутствующих, – я тоже знаю такую историю, только там вместо оружия была ручка, которая может писать в невесомости. НАСА на её создание кучу денег потратили!

– А русские просто писали карандашами, – кивнула девушка и подытожила, – всё гениальное – просто, и исходя из этого...

– Я предлагаю поступить так же, – понял её с полуслова молодой человек.

– И что же вы предлагаете? – сварливо поинтересовался самый старый министр, считавший, что молодым у власти делать нечего.

– Я предлагаю позвать моих друзей, – просто ответил юноша, – и под покровом ночи запустить их в стан врага для его полной деморализации.

– А кто ваши друзья? – спросил принёсший весть министр, чувствуя, что ответ ему не понравится, а потому старательно изгонявший из сердца надежду на благополучный исход дела.

– Мои друзья – свободные художники.

– В смысле?

– Если говорить вашим языком, то вандалы и хулиганы. Они проделывают дыры в заборах, чтобы не идти в обход, рисуют картины на стенах, чтобы сделать их ярче, они скрываются так виртуозно, что правительственным шпионам и не снилось!

Министры переглянулись, и у каждого в голове промелькнула общая мысль: «Из этого может что-то получиться».

– Дерзайте, молодой человек, – наконец кивнул самый старый министр, – мы в вас верим.

Этой же ночью у старой котельной собралась колоритная компания, состоящая из нескольких «детей цветов» и одного молодого человека, одетого в тёмно-синий офисный

костюм. Сливаясь с темнотой ночи, он, тем не менее, ярко выделялся на фоне стены котельной, которую свободные художники разрисовали от скуки. Компания о чём-то пошептала, задумчиво помолчала, снова пошептала и разошлась.

А наутро президенту пришла срочная телеграмма от президента враждебно настроенной державы, и телеграмма та сообщала, что вся военная кампания противника сворачивается, потому что воевать в таких условиях совершенно невозможно.

Президент подумал-подумал, да и собрал совет, чтобы найти того, кто смог бы объяснить ему, что это значит. Ниточки привели в министерство обороны. Военные министры собрались в полном составе и кое-как поведали ошеломлённому президенту, что несколько часов назад в лагерь противника проникли шпионы, которые перепилили все ограждения, раскрасили всё, что только можно раскрасить, а баллончиками из-под краски заткнули дула пушкам. Помимо этого они согнули дула винтовкам, а пистолеты покидали в воду.

К концу рассказа президент уже не знал, что ему делать – плакать или смеяться, за идею самый молодой министр был приставлен к ордену, а для «шпионов» были выплавлены медали «за военные заслуги», но за ними никто не явился – они же не дураки, чтобы так подставляться. Вот возможность пожизненно легально рисовать на всех вертикальных поверхностях – это ещё имеет смысл, а так...

Они просто бесследно растворились в толпе.

Наслаждайся

Светлана идёт по улице. С небес светит дружелюбное солнышко, птицы поют вокруг и в душе у Светы. Да так музыкально, что девушка временами не отказывает себе в том, чтобы подпрыгнуть и даже исполнить пару танцевальных па. Она ускоряется по мере приближения к цели, а последние несколько метров так и вовсе пробегает, хотя у неё ещё полно времени. Девушка птицей взлетает по ступеням и, оправив любимое сиреневое платье и пригладив длинные светлые волосы, открывает дверь, табличка на которой гласит: «третий этап певческого конкурса пройдёт 23 июня. Начало в 10.00. Участникам просьба не опаздывать».

По коридору Света идёт неторопливо, но уверенно, крепко сжимая в кулаке лямку рюкзака, висящего на одном плече. На лице у неё мечтательная улыбка, которая не сходит даже тогда, когда девушка оказывается в толпе других конкурсантов. Вокруг неё переговариваются, смеются, напевают юноши и девушки от восемнадцати до двадцати пяти лет, но Светлана будто не замечает творящегося вокруг балагана, взгляд её направлен куда-то в пространство, и в себя девушка приходит только тогда, когда за талию её обхватывают сильные руки, а над ухом звучит негромкое, но вполне различимое: «Здравствуй, красавица».

– Дима! – радостно восклицает девушка, разворачиваясь в объятиях молодого человека и обнимая его в ответ, – я так рада тебя видеть! Уже успела соскучиться!

– Мы ведь расстались только вчера, Свет – наигранно удивляется молодой человек, но девушка в ответ только смеётся и тянет его вдаль от толпы, в пустующий коридор, где они несколько минут просто смотрят друг другу в глаза, прежде чем парень становится серьёзным и, сжимая руку Светы в своей, спрашивает:

– Ты точно всё помнишь? Главное – не волнуйся, им точно понравится, если ты станцуеть между куплетами.

– Дима, милый, любимый мой человек, ну конечно, я всё помню, – радостно отвечает девушка, – я даже не волнуюсь ни капли, ведь это ты меня учил, я навсегда-навсегда запомню каждое твоё слово! Жаль только, – она на секунду замолкает и смущённо переминается с ноги на ногу, – что ты мой номер знаешь от и до, а я твой ни разу не видела. Ты ведь, – голос Светы становится совсем тихим, она комкает в руках подол платья, – ты ведь точно его подготовил? Ты так следил, чтобы мой номер был идеальным, что...

Молодой человек быстро делает шаг вперёд и прикладывает указательный палец к чужим губам.

– Спокойно, – произносит он, – я подготовился.

И это волшебным образом Свету успокаивает, она снова улыбается, хотя ещё секунду назад выглядела виновато-подавленной, перехватывает руку Димы, тянет юношу на себя и, быстро чмокнув его в губы, отступает на пару шагов.

– Я так хочу увидеть тебя на сцене! – с жаром произносит она, а потом, будто испугавшись собственных слов, разворачивается и бегом возвращается к остальным.

На сцене Света лишь на секунду тушуеться, но тут же снова обретает уверенность, стоит ей поймать в толпе ободряющий взгляд Димы. Он уже выступил с песней о любви, как и многие здесь, и Света беззвучно подпевала из зрительного зала, прикрыв глаза. Теперь же настала её очередь, и она делает глубокий вдох, прежде чем послать Диме уверенную улыбку и погрузиться в музыку с головой.

Света тоже поёт о любви, и ноги сами тянут её повторить заученные движения, когда звучит припев, который решено было заменить танцем. Её время пролетает за секунду, и девушка останавливается, всё ещё сжимая в руках микрофон, готовая отвечать на вопросы жюри.

Но происходящее несколько отличается от её достаточно смелых фантазий.

– Девушка, – равнодушно-мрачно обращается к ней член жюри, – у нас какой конкурс?

– В смысле? – не понимает Света. Она волнуется и находится в двух шагах от того, чтобы начать заикаться.

– У нас певческий конкурс, – всё тем же тоном отвечает на свой же вопрос хмурый мужчина лет сорока, – зачем нам ваши «пританцовывания»? Мы оцениваем ваши вокальные данные. Возвращайтесь в зал.

Светлана возвращается на своё место в расстроенных чувствах, Дима почему-то ведёт себя рассеянно-отстранённо и на контакт не идёт. Света молча дожидается окончания конкурса и общего вердикта судей.

–И победителем становится... Дмитрий Северин! – объявляет ведущий, и Дима вскакивает на ноги, вскидывая руки над головой!

– Да! Да! – восклицает он, и начинает пробираться обратно к сцене, потому что по правилам победитель должен исполнить ещё одну песню. Закрепить, так сказать, результат. Проходя мимо Светы, на лице у которой отражается понимание, он презрительно улыбается ей и, прежде чем забраться на сцену, наклоняется к её лицу и, оскалившись в некое подобии усмешки, выдыхает почти в самые губы:

– Ты же хотела видеть меня на сцене? Наслаждайся.

Дима принимает у ведущего микрофон.

Света хочет плакать.

Она сбегает.

Два года спустя.

Из кафе «Плаза» под дождь выскакивает девушка. Она бросает быстрый взгляд на бесприсветно серое небо, вздыхает и, пробормотав что-то об отсутствии зонтика, накидывает на голову с ядовито розовым каре в качестве причёски капюшон чёрного плаща и быстрым шагом идёт по улице. Капюшон она придерживает одной рукой так, что он оказывается надвинут на глаза, и она не видит ничего, кроме небольшого клочка асфальта у самых ног. Вполне предсказуемо, что девушка налетает на молодого человека, который пытается прикурить под дождём.

– Простите, – извиняется девушка и собирается продолжить путь, но парень перехватывает её за руку и, улыбаясь, произносит:

– Нет, это вы извините, я стоял на вашем пути, так что вашей вины в том нет. И, раз уж судьба свела нас таким неоригинальным способом, может, продолжим наше знакомство?

Парень убирает сигарету и зажигалку в карман и обезоруживающе улыбается.

Света смотрит на него. На оригинальный разрез глаз, на светло-русые волосы, мокрыми сосульками облепившие лицо, на растянутые в улыбке губы. Всё это слишком знакомо ей. Ненависть в её взгляде безуспешно пытается спрятаться под деланным равнодушием, но Дмитрий не замечает этого, потому что оглядывает улицу. Будто что-то ищет.

– Например, мы могли бы сходить в кафе, – предлагает он, указывая рукой на другую сторону улицы, на то самое кафе, из которого только что вышла девушка, – я угощаю.

И он подмигивает, на что девушка отвечает ухмылкой.

– Пускай будет кафе.

В «Плазу» они заходят вместе, и юноша ведёт девушку за столик. Он помогает ей снять плащ, отодвигает ей стул, но девушка лёгким покачиванием головы отклоняет предложение.

– Мне нужно... припудрить носик, – улыбается она и удаляется в сторону туалета.

Девушка старается выглядеть раскованно и даже посылает молодому человеку улыбки из-за плеча, но во всей её походке сквозит напряжение. Она на взводе и поэтому, когда официантка, выглянувшая из служебного помещения, зовёт её, мгновенно затыкает девушке рот ладонью, вталкивает её обратно в подсобку и прижимает к стене.

– Тихо, – просит она официантку, когда дверь за ними захлопывается, – он не должен знать, кто я.

Официантка растерянно улыбается, поправляя передник и бейдж с именем «Настя».

– Успокойся, Свет, я не собиралась кричать на весь ресторан, просто удивилась, что ты вернулась, хотя твой рабочий день, вроде как, закончен. Ты не одна?

Света отодвигает себе стул, падает на него и нервным движением трёт виски.

– Я не одна, – произносит она устало, – я с... – по телу её проходит волна дрожи, а на лице появляется выражение брезгливого презрения, – Димой. Только давай без ажиотажа, ладно? Он не узнал меня, а я..., – она растягивает губы в улыбке, идеально повторяющей ту, которой ненадёжный молодой человек одарил её в их последнюю встречу два года назад, – у меня есть план.

Настя вздыхает, нервным движением разглаживает передник и, наконец, произносит:

– Я предупрежу наших. И я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Света выглядит гораздо более уверенной, когда после короткой беседы с коллегой возвращается за столик.

– Мы, кажется, так и не познакомились, – ослепительно улыбается молодой человек, – меня зовут Дима, а как ваше имя, прелестная леди?

Света замирает – этот момент она не продумала. Она откидывается на стул, улыбается и поправляет короткую синюю юбку, делает всё, чтобы пауза не выглядела неестественно.

– Лана, – наконец отвечает она, – меня зовут Лана.

– Красивое имя, – отвечает Дима, всё так же улыбаясь, и Света в очередной раз убеждается, что он не узнал её, – закажем что-нибудь?

Через пару часов они выходят из кафе в наступившие сумерки, Света старается как можно естественней смеяться над абсолютно несмешными шутками своего визави.

– Я могу проводить тебя? – спрашивает Дима, поглаживая большим пальцем её ладонь, которую сжимает в своей, но Светлана ловким движением высвобождается из хватки.

– Мы пока не настолько близко знакомы, – кокетливо отвечает она, – но мы можем просто прогуляться. Расскажи мне о себе.

Дима чешет в затылке и некоторое время молчит, пока он неспешно идет вдоль домов, и только когда они подходят к воротам парка, наконец, подаёт голос. Он рассказывает о том, что Света уже и так знает, благодаря их раннему знакомству. Он рассказывает о том, как приехал в Питер, учился в музыкальной школе, участвовал в конкурсах. Упоминает, что занял первое место на крупном конкурсе два года назад. Тот факт, что он предал девушку и поспособствовал

её поражению, он опускает, что Свету злит. Она сжимает зубы и отводит взгляд, подавляя в себе желание раскрыть себя и выложить мерзкому предателю всё, что она на самом деле о нём думает.

– Скоро будет ещё один конкурс, но уже гораздо крупнее. Первое место в нём – участие в международном мюзикле! Ты представляешь?!

Дальше разговор переходит на нейтральные темы, Света рассказывает о себе то, что Дима о ней не знает, лжёт и выдумывает всё остальное. Перед тем, как смыться, она оставляет ему свой номер телефона, а дома ищет в интернете сайт конкурса. С лица её никак не сходит злобный оскал, кажущийся в неверном свете ноутбука ещё более зловещим. Ближе к утру она пишет кому-то СМС, получает ответ через пару минут и всё-таки разражается дьявольским хохотом.

– Знаешь, – говорит она Диме будто бы между прочим, когда они снова встречаются в том же парке, – твои слова о конкурсе на роль в мюзикле показались мне знакомыми. Тогда я была слишком пьяна, чтобы о чём-то задумываться, но теперь я почти уверена, что знаю, о чём ты говоришь. Это тот самый экспериментальный проект?

Дима с энтузиазмом кивает и с надеждой смотрит на Свету.

– Я совершенно уверена, что знаю режиссёра. Его ведь Сергей зовут? Дидхамов? – дождавшись ещё одного кивка в ответ на свой вопрос, девушка кивает, – да, теперь точно уверена. Я с ним знакома. И я уверена на все сто процентов, что если я поговорю с ним, то он возьмёт тебя под моей протекцией и без конкурсов. Мы можем сходить к нему... – она делает вид, что сверяется с часами, – прямо сейчас, если ты хочешь.

Дима кивает так активно, что Свете на секунду кажется, что голова у него не выдержит и оторвётся.

– Что ж, – заключает она, – тогда вперёд.

В студии тишина и полное отсутствие людей, и даже Дима чувствует себя неуютно, но Света уверенно идёт вперёд, едва слышно считая двери:

– Два, три, пять... о, нам сюда!

И, ухватив молодого человека за рукав, Света решительно проходит внутрь.

– Серёж, – обращается она к такому же молодому на вид мужчине в костюме-тройке, заполняющему какие-то документы за массивным дубовым столом, – это я, Лана.

Мужчина поднимает глаза на посетителей, смеривает их внимательным взглядом из-под очков и только после этого широко улыбается.

– Ланочка, – выдаёт он радостно, раскинув руки, – сколько лет, сколько зим! Давно не виделись!

– Я по делу, – отрицательно качает головой девушка, но всё же отвечает на объятие, – Сергей, познакомься, это мой молодой человек, Дмитрий. У меня по поводу него небольшая к тебе просьба. Можешь его в обход всех взять в мюзикл?

Мужчина кидает быстрый взгляд на Диму, но тут же снова теряет к нему интерес.

– Могу, – соглашается он, – но можешь ли ты гарантировать, что он умеет петь.

– Он умеет, – быстро-быстро кивает Лана, – я гарантирую.

– Ну что ж, – пожимает плечами мужчина, – хорошему человеку отчего ж не помочь? В обход всех я его, конечно, взять не могу, хотя бы формально он выступить должен. Пускай придумает что-нибудь, не особо заморачиваясь, а там мы подсуетимся. Хорошему человеку отчего ж не помочь? – повторяет он ещё раз и возвращается за стол.

– Ну, мы тогда пойдём? – спрашивает Света и, дождавшись утвердительного взмаха рукой, тянет молодого человека за собой.

Оказавшись за дверью, девушка несколько секунд изображает задумчивость, встряхивает волосами и, скомандовав: «Жди меня снаружи», снова исчезает в кабинете. Молодой человек пожимает плечами и направляется к выходу. На лице его мечтательная улыбка.

Света же, как только оказывается в кабинете, подсакивает к мужчине, который уже собрал все документы в стопку на углу стола и теперь потягивался как после долгого нахождения в одном положении.

– Женья, я твоя должника до конца жизни! – объявляет девушка и крепко обнимает мужчину.

В ответ тот только отмахивается.

– Свои люди, сочтёмся, – небрежно бросает он, – ты, главное, расскажи потом, как всё прошло.

– Обязательно! – обещает Света, – до скорого!

И выскакивает за дверь.

Дни до конкурса летят стремительно. Каждый день Света планомерно пудрит мозги Диме и делает всё для того, чтобы он не смог приготовить даже ту малость, которой ему «будет достаточно» для победы в конкурсе.

Параллельно она готовит свой номер. И ещё один, на всякий случай, поэтому, когда наступает «день икс», она чувствует себя настолько уверенно, насколько это, вообще, возможно. С Димой они встречаются за двадцать минут до начала перед входом в консерваторию, в которой проходит конкурс.

– Спасибо за то, что поговорила с режиссёром, – говорит ей Дима, когда обмен приветствиями и приветственными поцелуями заканчивается.

– Да ладно тебе, – небрежно отмахивается Света, – мне не жалко. Я, вот, тоже подготовила номер, чисто по приколу. Я знаю, что он меня не возьмёт, – увидев на лице молодого человека сомнение, Света понимает, что перегнула и поспешно добавляет, – мы так договорились. Я просто пою перед публикой для себя.

Руки у Светы дрожат, и она прячет их в карман толстовки, но морщины на лбу Димы разглаживаются, и он снова уверенно улыбается.

– Да ну, – добродушно усмехается он, – в таком случае, я бы хотел увидеть тебя на сцене.

Внутри Светы от этих слов всё переворачивается, и она вынуждена отвернуться, чтобы не выдать себя.

– Идём, – бросает она, – скоро начало.

Дима выступает... неплохо. Он может лучше, и Света это знает, сейчас же он просто не заморачивается и выглядит откровенно жалко в сравнении с остальными конкурсантами. Он понимает это, но он спокоен, ведь всё уже «улажено», и роль у него «в кармане».

Света чувствует себя так, будто сейчас взлетит, и только её вызов на сцену (под псевдонимом Роза Ветров, ещё рано раскрывать все карты) помогает ей удержаться от победного возгласа. Она поёт, как в последний раз. О любви, которой не было места, о предательстве, которое не прощают, о мести, которая обязательно наступит. Когда она заканчивает, взяв в конце особенно высокую ноту, зал несколько долгих секунд молчит, прежде чем взорваться аплодисментами. Все хлопают её по плечу, восхищаются и хвалят, пока она идёт на своё место, но Света этого не слышит. Всё, что она так долго копила в себе, вышло наружу. И теперь остался последний штрих. Её номер был последним, а это значит, что...

– Это был последний номер, – объявляет ведущий и пытается натушно шутить, – суд удаляется на совещание... а впрочем, постоит. Похоже, не удаляется. Неужели победитель уже определён?

Ведущий наклоняется к членам жюри, перекидывается несколькими словами со всеми тремя и снова выпрямляется, выражение растерянности на его лице сменяет профессиональная улыбка.

– И мы готовы назвать победителя, – объявляет он, – и это исполнительница под псевдонимом Роза Ветров!

Зал взрывается воплями и аплодисментами, а Света встаёт, ощущая себя, как во сне. Будто сквозь толщу воды до неё доносятся слова ведущего:

– Но теперь, я думаю, можно не скрывать её имени. Где же ты, поднимайся к нам. Ну, где ты, Светлана Тернова? Исполни нам песню на бис! Или, может, что-то другое, что захочешь...

Слышать своё полное имя странно, но она послушно встаёт и идёт к сцене, с каждым шагом возвращаясь в реальность. У самых ступеней на сцену её ловит Дима, смотрит изумлённо и чуть испуганно.

– Света?

Девушке вдруг становится весело. Она поднимается на пару ступеней, оборачивается к мерзкому предателю и склоняется к самому его лицу

– Ты же хотел видеть меня на сцене? – негромко произносит она, оскалив зубы в саркастической усмешке, – Наслаждайся.

По ту сторону сна

Не открывая глаз, Мина спустила ноги с дивана и улыбнулась, когда босые пятки коснулись чего-то холодного. Снег. Она открыла глаза и негромко рассмеялась – вокруг неё, насколько хватало глаз, раскинулась белоснежная пустыня. На чистом ночном небе в окружении бесконечного множества звёзд гордо парила Луна.

Мина встала и сделала на пробу несколько первых шагов, но очень быстро перешла на бег и накрутила с десятков больших кругов вокруг дивана, последние несколько лет служившего ей кроватью. Ощущение было незабываемым, пускай ледяной ветер пронизывал насквозь, а ноги по колено увязали в снегу, но творившаяся вокруг нерукотворная красота стоила того, чтобы немного помёрзнуть. Ведь это только сон, и наутро девочка проснётся абсолютно здоровой и неплохо выспавшейся у себя дома на этом же самом диване.

Просыпаться в разных местах Мина начала лет в шесть, и с тех пор, стоило ей закрыть глаза дома, она таинственным образом переносилась в другое место. За несколько лет она успела побывать в тропических джунглях и в северных лесах, на солнечном острове и на хмурых вечно дождливых холмах... пункт назначения-для-приключения каждую ночь менялся, но одно оставалось неизменным – девочке ни разу не встретилось ни одного человека. Это одновременно радовало и огорчало. Радовало, потому что делить свои собственные сны с кем бы то ни было Мина не собиралась, а огорчало потому, что было не с кем поговорить по душам, поделиться впечатлениями от фантастической красоты заката над вулканом или глубокой синевы бескрайнего океана вокруг необитаемого острова. Но самое главное – не у кого было спросить, действительно ли это сон, а если нет, то почему она никогда не заболевает после хождения босиком по голой земле или по снегу и всегда просыпается голодной, даже если всю ночь объедалась удивительной вкусноты тропическими фруктами. Часто встречавшиеся ей тут и там разнообразные животные хоть и были хорошими слушателями, но – что львы, что обезьяны – никак не могли предоставить ей ответы на все стомиллион тысяч вопросов. Да и компания из них была так себе, хотя Мина старательно убеждала себя в обратном.

Первые несколько месяцев Мина наслаждалась выпавшей ей возможностью посмотреть мир, но потом начала скучать – все моря были одинаково солёными, а леса непроходимыми, снег везде был холодным и белым, а надо всем этим каждый день всходило на то же самое небо одно и то же солнце. И тогда переживания маленькой девочки нашли выход в стихах – сначала неуклюжих, а потому смешных, но позже гораздо более зрелых и осознанных. И теперь, поднимая взгляд вверх, Мина видела уже не просто небо, но Небо, меняющееся каждый

день, каждый час, и облака, и птиц, парящих свободно и гордо в королевстве высоты, в котором Мине ещё ни разу не довелось побывать – диван был слишком тяжёлым для того, чтобы стоять на облаке.

Она внезапно замерла, обняв себя руками и уставившись под ноги. Потом нахмурилась, забормотала что-то себе под нос, а через несколько секунд со всех ног кинулась обратно к дивану, с разбегу плюхнулась на него и поёрзала, устраиваясь поудобнее. Уже привычным движением она запустила руку под подушку, выуживая из-под неё блокнот с вложенным в середину карандашом. Привычка класть этот нехитрый набор поэта под подушку уже давно была выработана до автоматизма – он нужен был для того, чтобы сохранять впечатления, полученные от путешествий во «сне наяву». Честно появляющиеся наутро стихи, впрочем, не убеждали Мину в реальности происходящего – она вполне могла и лунатить.

Открыв блокнот на чистой странице почти в самом конце, девочка принялась стремительно записывать пришедшие только что в голову строчки, шевеля губами и еле слышно проговаривая написанное вслух, чтобы убедиться, что ритм не был потерян в спешке.

– Чистый свет... – бормотала она, – невесомости мыслей... нет, лучше невесомость, тогда здесь по-другому...

– А что ты делаешь? – внезапно прозвучало у неё прямо над ухом.

От неожиданности Мина швырнула блокнот на диван, а карандаш в снег и на всякий случай сиганула следом – мало ли, какие монстры захотят её съесть.

Однако это оказался не монстр. И вообще не зверь. Это был человек – впервые за шесть с половиной лет ночных путешествий Мине встретился человек! Она на всякий случай потрогала собственный лоб, который был ожидаемо холодным, как и рука, и всё остальное тело. И вообще, в снегу было холодно, и Мина встала, но приближаться к незнакомому человеку не спешила, глядя на него с опаской.

А неизвестный, оказавшийся мальчиком лет семи-восьми на вид, разглядывал её с любопытством и, кажется, совсем не боялся. Мина решила, что, в таком случае, тоже не будет, потому что если бояться, то говорить будет сложно. А поговорить хотелось, и ещё как.

– Ты кто? – спросила у мальчика Мина, отряхнув ночнушку от снега, – Как тебя зовут?

– Я Джим, – улыбнулся во все двадцать шесть зубов и две дырки мальчик, – а ты?

– А я Мина, – представилась девочка, – как ты здесь оказался? Ты заблудился?

– Нет, – ответил Джим с забавной серьёзностью, – я сплю. А ты?

– Я тоже, – кивнула Мина, глубоко внутри радуясь встрече с собратом, и, пользуясь случаем, поинтересовалась, – а ты не знаешь, это всё по-взаправдашнему, или ты мне просто снишься?

– По-взаправдашнему, – важно кивнул Джим и поднял вверх указательный палец, – и я знаю, как это доказать.

Мина недоверчиво приподняла бровь.

– Ну, и как?

– Сейчас, подожди минутку, – и новый знакомый, высоко вскидывая ноги, понёсся к стоящей в отдалении детской кроватке, чтобы, немного повозившись, побежать обратно, на ходу размахивая чем-то ярким.

– Вот, – продемонстрировал он длинную красную ленту, – с плюшевого медведя снял, ему она всё равно не подходит, – и, высунув язык от усердия, принялся обматывать её вокруг запястья опешившей Мины, попутно объясняя свои действия, – теперь, если лента останется на тебе, когда ты проснёшься, значит, мы друг другу не приснились.

Мина широко раскрытыми глазами разглядывала довольно улыбавшегося Джима, удивляясь тому, что подобная идея не пришла в её голову раньше – просто оставить что-то во сне и проверить наличие этого чего-то утром дома. Осенённая идеей, она схватила свой блокнот, не задумываясь, вырвала из него лист с последним стихотворением и протянула Джиму.

– На, бери.

Мальчик кивнул и, бережно сложив листочек в несколько раз, крепко сжал в кулаке.

– Ну что ж, – произнёс он и протянул Мине руку, – до встречи когда-нибудь.

– До встречи, – Мина в ответ протянула свою руку, и они скрепили договор крепким рукопожатием, после чего Джим развернулся и потопал к своей кровати.

Мина дождалась, пока он ляжет и накроется одеялом, подобрала валяющийся в снегу карандаш и тоже забралась на диван. Закрывая глаза, она гадала, встретятся ли они с Джимом ещё раз, и если да, то где – во сне или наяву?

Открыв глаза утром, Мина несколько минут просто лежала, наблюдая за играми солнечных зайчиков на потолке, прежде чем откинуть одеяло и сесть. Она даже не стала проверять, сохранилось ли стихотворение об этой ночи в блокноте, или в нём не будет хватать одного листа.

Потому что на запястье у неё в сиянии рассветного солнца, подобно лепестку пламени, горела ярко-алая лента.

По колено в облаках

Первый солнечный луч скользит по крыше самого низкого дома на самом востоке маленького провинциального городка. Потом солнечный диск карабкается ещё чуточку выше по небосклону, заставляя его светлеть, а редкие последние звёзды – постепенно меркнуть, прежде чем моргнуть в последний раз и раствориться в лучах рассвета. Солнечные зайчики проникают в незашторенные окна, но пока ещё никого не будят.

Город спит, и солнце не знает, что на противоположном конце города его появления ждёт одно маленькое существо – девочка пятнадцати лет, которая завела будильник на пять тридцать утра, чтобы встретить рассвет. Она сидит на полу, закутавшись в лоскутное покрывало, и преданно ждёт.

Ей мерещатся искорки над крышами, и она моргает, чтобы прогнать видение, но искры становятся только ярче и больше. Это солнечный диск стремительно и одновременно с этим величественно поднимается над домами, и вот он уже во всём своём великолепии отражается в глазах единственной свидетельницы своего эффектного появления.

Девочка восхищённо вздыхает, когда огромный пылающий шар является ей целиком, бросает последний взгляд на окно и плетётся к кровати в полной уверенности, что уж после ТАКОГО сон ей уж точно не светит. Засыпает она ещё до того, как голова её касается подушки.

Когда девочку будят во второй раз, небесное светило уже часов пять безраздельно властвует на небосводе, а из пекарни напротив давно пахнет свежей выпечкой.

– Вставай, Лисёнок, а то проспийшь весь первый летний день, – зовёт с первого этажа мама, переворачивая на сковородке специальной лопаточкой очередной идеально круглый золотистый блинчик.

Лис, получившая своё прозвище за цвет волос и безграничное любопытство и уже успевшая привыкнуть представляться им вместо имени, мгновенно «ссыпается» по лестнице вниз. Она целует в щёку маму и тётю, в макушку – младших брата и сестру, крепко обнимает папу, громко желает всей своей большой и дружной семье Доброго Утра и скрывается в ванной.

Снова она появляется только через десять минут, успев за это время умыться, причёсаться и переодеться из пижамы в сарафан. В кухне её ждёт внушительная горка блинчиков и – сюрприз! – старшая сестра, которая ничего не ест, а только говорит-говорит-говорит, и всё о собственной свадьбе, которая вот-вот должна состояться.

– Лис, милая! – восклицает она, увидев младшую сестру, – Иди скорей сюда и скажи, как тебе эта причёска!

– И тебе привет, – отзывается Лис и, запихнув в рот сразу два свёрнутых блина.

После этого она некоторое время молча разглядывает шедевр парикмахерского искусства, в который какой-то умелец сумел превратить роскошный водопад тёмно-каштановых

волос без пяти минут жены школьного учителя литературы. К слову, это уже десятая причёска старшей сестры, и про каждую та говорит, что это именно тот вариант, который ей больше всего подходит.

– Неплохо, – кивает младшая, дожевав блины и запив их чаем, – только, Маргарет, ты уверена, что это именно то, что тебе нужно?

Маргарет не уверена, вот совсем, но распущенными она их всё равно не оставит, пусть сестра даже не пытается её уговорить. Лис пожимает плечами: она и не пытается – ещё две недели назад поняла, что бесполезно. По её мнению это было бы гораздо проще и красивее, но раз уж Маргарет уверена...

Но, повторимся, Маргарет НЕ УВЕРЕНА, она с завистью косится на блины, но твёрдо помнит про свадебное платье, которое село только-только, так что лучше не рисковать. Но она всё равно «на седьмом небе от счастья!», и её Алан пообещал разучить с ней сегодня их свадебный танец, поэтому настроение ей сегодня ничего не испортит – даже невозможность определиться с причёской.

А Лис тем временем заканчивает завтракать, вытирает губы салфеткой и, наскоро поблагодарив маму за блинчики, которые «как всегда, великолепны!», выскакивает за дверь – навстречу первому летнему дню.

Первые полчаса она тратит на простую прогулку по оживлённым улицам своего маленького городка и размышления по поводу странной фразы своей сестры – «на седьмом небе от счастья». Что это вообще значит? Лис прекрасно видела, что, говоря это, сестра сидела на стуле, который стоял на полу первого этажа дома, который, в свою очередь, давно и твёрдо обосновался на земле. Об этом стоило как следует подумать. И было бы неплохо спросить у кого-нибудь, что не так с этим странным седьмым небом, на которое можно попасть, не взлетая.

«Джеймс, – думает она, – точно должен знать. Он вообще всё знает».

Джеймсом звали её лучшего друга, сына библиотекаря. Лис и сама мечтала работать в библиотеке, а люди, прямо или косвенно связанные с «хранилищем бесценных знаний», вызывали у неё священный трепет и безграничное уважение. И, конечно, такие люди просто обязаны были знать всё на свете.

И, видимо, сегодняшний день был волшебным, потому что Джеймса Лис встречает на следующей же улице, на скамейке под деревом. В руках у него, как и следовало ожидать, книга.

– Здравствуй, Маленькое Солнце, – приветствует подругу Джеймс, стоит той приблизиться на расстояние вытянутой руки.

– Но ты же даже взгляд от книги не поднял, как ты догадался, что это я? – удивлению «Маленького Солнца», как называл её Джеймс с первого дня их знакомства, не было предела.

– Твоё сияние затмило даже свет твоего старшего брата на небесах, – улыбается он, потом смотрит на Лис несколько секунд и признаётся, – на самом деле твои рыжие волосы сложно не заметить. Я увидел тебя периферийным зрением.

Девочка сражена наповал, потому что слово «периферийный» ей ни о чём не говорит, а потому вызывает уважение своей волнующей непонятностью.

– И тебе привет, – кивает она и присаживается рядом, мгновенно становясь серьёзной, – Джеймс, мне нужна твоя помощь. Объясни мне, пожалуйста, одно выражение.

И она подробно пересказывает всё, что случилось с ней утром.

Джеймс кивает и некоторое время о чём-то напряжённо размышляет. Потом смотрит в книгу, кивает ещё раз, запоминая страницу, захлопывает её и убирает в рюкзак, стоящий тут же, рядом. Судя по всему, первый день летних каникул старший друг Лис (целых семнадцать лет, подумать только!) намеревался провести тут же, по возможности не сходя с места. Но расстроенным нарушением своих планов он не выглядит, даже наоборот – будто бы оживает.

– Давай-ка я тебе кое-что покажу, – произносит он, – и ты сама поймёшь, что значит «на седьмом небе». Иди за мной.

И встаёт, потягиваясь после долгого сидения. Лис бы не удивилась, если бы узнала, что расцвет Джеймс встречал на этом самом месте и в той же позе, в какой она его застала.

Джеймс ведёт её по улицам, иногда останавливаясь, чтобы подумать, куда свернуть дальше. По дороге они молчат, но это не тягостное или неловкое молчание, когда не найти подходящей темы для разговора. Это молчание, возникающее обыкновенно, между близкими друзьями, которым интересно вместе и без всяких разговоров.

Они выходят за пределы города, и когда впереди показывается холм, Джеймс останавливается и, скинув на землю тяжёлый рюкзак, произносит, обращаясь к Лис:

– Ну, вот и всё, дальше сама. Смотри под ноги, чтобы не споткнуться, а как дойдёшь до вершины – обернись.

Он улыбается, но тон его голоса серьёзен, как никогда. Лис кивает в ответ, послушно опуская взгляд в землю, и начинает идти вперёд, зачем-то считая шаги. Всего получается одиннадцать, а на двенадцатом девочка оборачивается, поднимает голову и на несколько секунд забывает, как дышать, когда с холма ей открывается вид на город, реку и горы под бесконечно-синим куполом неба,

– Это потрясающе, – восклицает она, – я просто на седьмом небе от счастья!

– И как это, – смеётся внизу Джеймс, – над облаками, в облаках или не долетая до них?

– По колено в облаках, – уточняет Лис, – ниже колен туманное марево, а выше – солнце.

– В чём же тогда счастье? Облака, они же такие – брр...

Лис ненадолго задумывается.

– В контрасте, – наконец подбирает она нужное слово, – облака мокрые и холодные, и солнце кажется теплее и ярче.

И она вскидывает руки вверх, к золотому летнему солнцу, которое кажется ей сейчас самым прекрасным из всего, что только есть в этом мире. Хотя стоит она не в мокром и холодном облачном мареве, а в тёплой траве, щекочущей голые лодыжки девочки, поднявшейся выше мира и ставшей самой сутью счастья – прекрасного, всеобъемлющего, вечного.

Как правильно спасти композиторов, или машина времени в 10 «А»

Здравствуйте, дети, – начала учительница литературы, входя в класс, где, по её разумению, должен был в этот момент сидеть десятый «А» в полном составе. Ключевое слово в этом предложении – «должен был», потому что на самом деле десятый «А» ушёл в кино ещё на прошлом уроке, потому что фильм идёт последний день и, к тому же, на дворе давно весна, неделя до каникул, да и вообще...

В школе осталась только Маша Сьюхина – девочка, в общем-то, милая, но чуть-чуть тронутая. Выражалось это, преимущественно, в неуёмной активности по каждому волнующему её поводу – от её личной двойки за контрольную по математике до перспективы полного вымирания Уссурийских тигров где-то далеко-далеко. И сейчас эта «высокоактивная» девочка смотрела на обескураженную исчезновением целого класса учительницу и виновато улыбалась, будто была причастна к этому преступлению против образования.

– И это... всё? – у Ларисы Сергеевны внезапно пропал голос.

Маша огляделась и кивнула.

– Ну что ж, – решила не терять лица преподавательница, – значит, сегодня позанимаемся в таком составе. Открывай, Машенька, страницу 236, будем изучать... «Маленькие трагедии» великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, – Лариса Сергеевна была искренне солидарна с Лермонтовым в том, что Александр Сергеевич – Солнце русской поэзии.

Единственная ученица послушно открыла учебник на указанной странице и вопросительно взглянула на свою личную учительницу. Последняя сделала глубокий вдох и, собрав себя в кучу, произнесла лишь слегка дрогнувшим голосом:

– Ладно... для начала – почитаем вслух.

– Это же кошмар какой-то! – вопила этим же вечером Мария Сьюхина в телефонную трубку.

Её собеседник на другом конце сдавленно хихикнул и попытался успокоить разбушевавшуюся десятиклассницу: «Ну что ты, Марусь, успокойся, всё нормально, это же всего лишь пьеса...»

– Ах, пьеса, – истерика девушки сделала крутой финт и вышла на новый уровень, – Ах, просто пьеса! Ну, знаешь... – все аргументы как-то внезапно закончились, и Маше не оставалось ничего другого, кроме как с громким воплем: «Я это так не оставлю!» со всего размаху швырнуть телефонную трубку на рычаг.

– Что же делать, что же делать, – бормотала она, меряя шагами комнату.

«Нельзя это так оставлять» – размышляла она, поглощая печенье из вазочки и запивая его чаем.

«Да что же это такое!?!» – мучилась она, чистя зубы перед сном.

Залезая в кровать, Маша бросила рассеянный взгляд на книжную полку и неосознанно по памяти перечислила авторов, чьи произведения давно и надёжно на ней разместились: Стивенсон, Кэрролл, Линдгрэн, Пьюзо, Кристи, Дюма, Булычёв... Булычёв?!

– Эврика! – огласила комнату счастливым воплем Сьюхина и рухнула с кровати, запутавшись в одеяле.

На шум мгновенно примчалась мама, за ней, на буксире, младшая сестрёнка и за компанию собака породы «дворняга обыкновенная» по кличке Бармаглот.

– Сто слунилось, сестлётка?

Лица, младшая сестра Маши, блондинка солидного возраста – четырёх с половиной лет – отчаянно игнорировала старания логопедов по исправлению своей речи.

– Ничего, – ответила старшая сестра этого упрямого чуда, сверкая кристально-чистым наивным взглядом, – абсолютно ничего.

– Ложись спать, – не терпящим возражений тоном потребовала Кристина Владимировна Сьюхина, мать-героиня и семейный тиран в одном лице. После чего выключила свет и увела Лику и Бармаглота с собой.

А Маша ещё немного посидела на полу, освещая комнату счастливой улыбкой во все тридцать два. Потом глубоко и удовлетворённо вздохнула, показала закрытой двери язык, распутала одеяло и забралась в постель, не забыв, однако, прихватить с собой фонарик и зачитанных чуть не до дыр «Детей капитана Гранта» Жюль Верна. Гениальные идеи гениальными идеями, а почитать на ночь – это святое.

– Угадай, чем мы займёмся сегодня, – вместо приветствия обратилась к однокласснику пребывающая в приподнятом настроении Мария.

– Понятия не имею, но могу поспорить – чем-то невозможным, – зевнул Максим Воронов – физик, математик, одноклассник и вечный машин сосед по парте.

В какие бы дальние дали их друг от друга не рассаживали, на следующий урок они снова оказывались вместе на второй парте в среднем ряду. Поначалу учителя, конечно, возмущались, но очень быстро махнули на неразлучную парочку рукой – пусть сидят, как им хочется, лишь бы учились. А учились они хорошо, чем и заслужили снисхождение преподавательского состава.

Подходили они друг дружке просто идеально: Маша придумывала «гениальные» планы по спасению всех и вся от всего на свете, а Макс разрабатывал способы их исполнения с минимальными отклонениями от изначальной схемы. Идеи же боевой десятиклассницы были в большинстве своём не просто невыполнимы, а прямо-таки нереальны, факт чего давно отучил

Воронова удивляться чему-либо в принципе. Вот и сегодня идея Маши изобрести машину, которая смогла бы отправить их в трагедию Пушкина «Моцарт и Сальери», чтобы они могли спасти Моцарта, не вызвала в нём совершенно никаких эмоций. На умоляющий взгляд Сьюхиной юный гений ответил только «Посмотрим, что можно сделать» и до конца школьного дня ушёл в себя.

– Я знаю одного человека, который бы смог нам помочь, – подал голос Макс, дождавшись подругу на крыльце школы после уроков, – если хотим поймать его, нам стоит поторопиться.

И, не сказав больше ни слова, свернул в какую-то неизвестную Маше аллею. Девушке ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Минут через 15 петляния по улочкам, переулкам и проходным дворам подростки, наконец, пришли, куда хотели. Пока Маша со смешанным чувством удивления и восхищения разглядывала двор-колодец с наполовину заросшими мхом стенами и слезшей кое-где краской, Макс проследовал к единственной двери и, бормоча что-то себе под нос, набрал комбинацию цифр на домофоне, удивительно новом для такого старого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.